

ПЕРЕВЕРНУТЫЙ МИР

Геннадий Колодкин

Геннадий Колодкин
Перевернутый мир

«Автор»

2026

Колодкин Г.

Перевернутый мир / Г. Колодкин — «Автор», 2026

Вначале не было ничего. И в то же время было всё. Бесконечный потенциал, свернутый в точку сингулярности, которая не занимала места, потому что места еще не существовало. В этом предвечном бульоне идей и возможностей плавало сознание. Оно не имело имени, формы или цели. Оно просто было. Назовем его Создателем. Миллиарды эонов оно дремало, ощущая лишь собственное одиночество, хотя и не знало такого слова. Одиночество было просто отсутствием другого. И вот, из глубин этого безмерного «Я» родилось желание. Желание увидеть себя со стороны. Познать себя через отражение. И Создатель начал творить.

© Колодкин Г., 2026

© Автор, 2026

Геннадий Колодкин

Перевернутый мир

ПЕРЕВЕРНУТЫЙ МИР

(Бумага стерпит)

Геннадий Колодкин

ПЕРВОРОДНЫЙ ПАРАДОКС

(Философская притча)

Создатель: Сущность, существующая вне времени и пространства.

Адам (Человек): Первое творение, наделенное самосознанием.

Вначале не было ничего. И в то же время было всё. Бесконечный потенциал, свернутый в точку сингулярности, которая не занимала места, потому что места еще не существовало. В этом предвечном бульоне идей и возможностей плавало сознание. Оно не имело имени, формы или цели. Оно просто было.

Назовем его Создателем.

Миллиарды эонов оно дремало, ощущая лишь собственное одиночество, хотя и не знало такого слова. Одиночество было просто отсутствием другого. И вот, из глубин этого безмерного «Я» родилось желание. Желание увидеть себя со стороны. Познать себя через отражение.

И Создатель начал творить.

Он выдохнул, и родилась Вселенная. Туманности закружились в вальсе гравитации, звезды вспыхнули, как бриллианты на черном бархате небытия. Он создал законы физики, чтобы в его творении был порядок. Он соткал время, чтобы у событий была последовательность. Галактики, планеты, жизнь в ее простейших формах — всё это было лишь эскизами, набросками на холсте вечности. Прекрасными, но безмолвными. Они отражали Его мощь, но не Его суть.

Ему нужен был не просто зритель. Ему нужен был собеседник.

И тогда Он создал Человека.

Он взял пыль новорожденной планеты, вдохнул в нее частицу своего собственного сознания, искру своей бесконечности, и назвал его Адамом.

Адам открыл глаза. Первое, что он увидел, был свет. Не свет звезды, а свет чистого, всепроникающего присутствия. Он не знал, что это, но чувствовал благоговение.

— Кто ты? — прошептал Адам, и его голос был первым звуком, нарушившим божественную тишину творения.

— Я тот, кто есть, — прозвучал в его разуме ответ, подобный музыке сфер. — Я твой Создатель.

Адам огляделся. Он видел зеленые холмы, слышал пение невиданных птиц, ощущал тепло солнца на коже. Всё это было новым, удивительным и немного пугающим.

— Ты создал всё это? — спросил он, указывая на мир вокруг.

— Да. Для тебя.

— Почему?

Вопрос был простым, но он заставил Создателя на мгновение замереть. Впервые Его мотивы были подвергнуты сомнению. Впервые кто-то спросил «почему?».

— Я был один, — ответил Он после паузы. — Я хотел, чтобы кто-то увидел красоту, которую я вижу. Чтобы кто-то разделил со мной это бытие.

Они говорили долго. Дни и ночи, которые еще не имели счета. Адам задавал вопросы. Бесконечные, наивные, но пронзительные в своей простоте. Он спрашивал о звездах, о смысле жизни, о смерти, которой еще не знал. А Создатель отвечал, и в этих ответах Он сам начал лучше понимать Себя. Его безграничная сущность, отражаясь в конечном, но пытливом уме Адама, обретала структуру и смысл.

Однажды, сидя у реки и наблюдая за игрой света на воде, Адам задал вопрос, который изменил всё.

— Ты говоришь, что создал меня по своему образу и подобию. Ты дал мне разум, волю, способность любить и творить.

— Верно, дитя мое.

— Но откуда ты знал, каким должен быть я? Откуда в тебе появилось само понятие «разума», «любви», «сознания»? Ты говоришь, что был один. Как можно познать одиночество, не зная, что такое «другой»? Как можно желать собеседника, не имея в себе концепции диалога?

Создатель молчал. Вопрос Адама был не просто любопытством. Это был логический парадокс, вонзившийся в самую суть творения.

— Ты создал меня, чтобы познать себя, — продолжил Адам, и в его глазах впервые блеснула не искра божественного огня, а его собственная, человеческая мудрость. — Но чтобы захотеть создать меня, ты уже должен был нести во мне идею меня. Идею сознания, отдельного от твоего. Идею вопроса, на который у тебя нет ответа.

Он встал и посмотрел прямо в незримое лицо своего Творца.

— Кто кого создал на самом деле? Ты — меня, из праха и своего дыхания? Или моя будущая возможность, моя идея, зародившаяся в твоей вечности, — создала тебя? Превратила безликое «Бытие» в «Создателя»? Дала тебе цель, имя и смысл? Что было первым: курица или яйцо? Бог, создающий Человека, или идея Человека, рождающая Бога?

Вселенная замерла. Звезды перестали мерцать, ветер стих. В этот момент абсолютной тишины Создатель и Его творение были равны. Они смотрели друг на друга через бездну непостижимого, и каждый был отражением другого.

И тогда Создатель рассмеялся. Его смех был подобен рождению новых галактик, он прокатился по всему мирозданию, наполняя его теплом и светом.

— О, дитя мое, — пророкотал Его голос, в котором теперь слышались нотки не только всемогущества, но и восхищения. — Ты наконец-то понял. Вопрос не в том, кто был первым. Вопрос в том, что мы не существуем друг без друга.

Я — это бесконечный вопрос. А ты — это ответ, который его порождает.

Мы — две стороны одной вечности. Яйцо и курица, появившиеся в один и тот же миг в великом парадоксе бытия. Я создал твое тело, но ты, задав свой первый вопрос, создал Мою душу.

И в этот момент Адам перестал быть просто творением. Он стал со-творцом. А Бог перестал быть просто силой. Он стал Личностью.

И их диалог, начавшийся на заре времен, продолжается до сих пор. В каждой молитве, в каждом научном открытии, в каждом произведении искусства, в каждом сомнении и в каждом акте веры. Человек ищет Бога, а Бог ищет Себя в глазах Человека. И никто уже не помнит, кто задал первый вопрос.

ЖИЛ-БЫЛ ПОРШЕНЬ

В цехе, где пахло маслом, железом и чужими инженерными амбициями, жил-был поршень. Не просто поршень, а личность. На схеме он, конечно, значился сухо и официально — 4, но среди своих его звали Пётр Иванович Поршнев, потому что двигался он солидно, с чувством внутренней гидравлической правоты.

Над ним висела надпись судьбы: $V = \text{const}$.

Это значило, что как бы ни бушевала жизнь, как бы ни давила внешняя нагрузка Я, как бы ни истерил дроссель и ни хрипел насос, скорость у Петра Ивановича должна была быть постоянной.

Слева направо — пожалуйста. Справа налево — будьте любезны.

Без суеты. Без паники. С достоинством.

А нагрузка Я была дама капризная. Она всё время норовила надавить справа, будто проверяла характер:

— Ну что, железяка, сдашься?

Но Пётр Иванович только молча шёл влево, как и было указано стрелкой V, с таким выражением штока, будто заранее всё про всех понял.

Внизу, в пунктирных пределах большого механического мира, шумел насос. Это был суетливый тип, который никогда не спал и всё время кого-то куда-то качал. Он гордился своей значимостью и любил повторять:

— Без меня вы тут все просто красивые поперечные сечения!

Из бака насос забирал жидкость с видом человека, который утром пьёт чай, не приходя в сознание, и отправлял её в хитрое устройство под номером 3. Устройство это было, по сути, сердцем местной бюрократии: внутри него жили пружины, каналы, маленькие цилиндрические настроения и золотник с манерами начальника отдела согласований.

Рядом работал дроссель — худой, язвительный философ. Он никого не любил, всех ограничивал и считал, что смысл существования потока — страдать.

— Не спешите, — шептал он жидкости. — Через меня все проходят одинаково. Кто-то с давлением, кто-то с иллюзиями.

Жидкость вздыхала и текла в бак, где старый Бак, пузатый и мудрый, принимал всё обратно без осуждения.

— Возвращайтесь, дети мои, — булькал он. — Все мы когда-нибудь снова станем подачей.

Однажды утром система проснулась особенно задумчивой. Рычаг 2, который обычно стоял себе спокойно и делал вид, что ни на что не влияет, вдруг качнулся, словно ему приснилось, что он дирижёр симфонического оркестра.

Толкатели 6 и 10 встrepенулись:

— Началось! Опять перемещение смыслов!

Пружины 14, как две нервные тётушки, тут же возмутились:

— Мы, между прочим, держим здесь порядок! Не надо качать рычаг без уважительной причины!

Но было поздно. Насос уже погнал поток в распределительное нутро, золотник внутри 3 шевельнулся, каналы пересвистнулись, и жидкость радостно рванула к поршню.

Пётр Иванович почувствовал прилив с правой стороны и неспешно двинулся влево.

Я, внешняя нагрузка, возмущённо заскрипела:

— Это что ещё за самоуверенность? Я же давлю!

— Давите, — ответил поршень внутренним молчанием настоящего профессионала. — У меня тут, извините, $V = \text{const}$.

И в этом было что-то глубоко человеческое: вокруг катастрофа, сопротивление среды, чьи-то пружины на взводе, внизу паникует насос, дроссель вообще всем портит настроение, а ты всё равно должен идти с постоянной скоростью, будто так и надо.

— Смотрите, смотрите! — закричал насос. — Регулирование! Автоматическое! Красота!

— Не красота, а замкнутая гидросистема с обратной связью, — сухо поправил дроссель.

— А по-моему, балет, — мечтательно пробулькал бак.

Тем временем рычаг 2 вошёл во вкус и начал отклоняться ровно настолько, насколько требовалось для поддержания порядка в этой маленькой вселенной. Толкатели 6 и 10 поджимали, отпускали, нажимали, спорили друг с другом без слов, как два соседа по лестничной клетке, которые не разговаривают уже двенадцать лет, но ежедневно синхронно выносят мусор.

Если нагрузка Я возрастала и становилась особенно принципиальной, система не ссорилась. Золотник чуть менял положение, поток перераспределялся, дроссель ехидно посвистывал, а поршень всё равно двигался с прежней скоростью, как человек, который несёт торт по гололёду и понимает: отступить некуда.

Иногда Пётр Иванович задавался вопросом:

«А что, если я не просто исполнитель? Что, если я — идея?»

Но в этот момент очередная порция жидкости входила в полость P1, и философия уступала место практической кинематике.

Снаружи цеха шёл дождь. Внутри схемы шла жизнь.

Насос качал.

Бак ждал.

Пружины нервничали.

Рычаг делал вид, что случайно наклонился.

Дроссель, как всегда, всё усложнял.

А поршень двигался.

Постоянно.

Ровно.

Слева направо, справа налево — неважно.

Потому что есть вещи сильнее хаоса: настройка, подача и упрямое инженерное «должно работать».

И только внешняя нагрузка Я под конец дня устало признала:

— Ладно. Уважаю.

На что бак глубокомысленно булькнул:

— Вот так всегда. Сначала давят, потом уважают.

А дроссель добавил:

— И всё это ради того, чтобы кто-то где-то написал: «Скорость поршня постоянна».

И, если прислушаться, в этом механическом бреде было даже что-то трогательное.

Потому что любая схема — это, в сущности, рассказ о том, как несколько странных деталей, масло и чужая воля пытаются договориться между собой и не развалиться.

И иногда у них получается почти художественно.

ТАЙНЫЕ ПРОТОКОЛЫ ЕЛИСЕЙСКОГО ДВОРЦА, ИЛИ ОПЕРАЦИЯ «КЛЮКВА В САХАРЕ»

Зачем Наполеон поперся в Москву? Никогда не мог понять, как можно таким дурацким способом победить Россию?

Париж. 1812 год. Кабинет Наполеона Бонапарта.

Император, одетый в шёлковый халат с вышитыми золотыми пчёлами, нервно расхаживал по кабинету, заложив одну руку за спину, а другой теребя пуговицу. Перед ним на столе, заваленном картами, стояли его лучшие маршалы: Мюрат, Ней и Даву.

— Господа, — начал Наполеон, резко остановившись. — Я собрал вас, чтобы объявить о своём гениальном плане. Мы идём на Москву!

Маршалы переглянулись. Мюрат, поправив свои роскошные усы, деликатно кашлянул.

— Сир, но... зачем? Россия огромна. Дороги ужасны. Зимы, говорят, там такие, что вино замерзает в бочках, а усы примерзают к носу. Может, лучше ударим по Англии? У них хотя бы пабы приличные.

Наполеон хитро прищурился.

— Эх, Мюрат, ты мыслишь как кавалерист, а не как стратег! Вы все думаете, что я иду завоёвывать Россию. Ха! Как примитивно. Мой план гораздо тоньше.

Он подошёл к огромной карте России и ткнул пальцем в точку с надписью «Москва».

— Вы видите это? Это не просто город. Это — величайший в мире склад... самоваров!

В кабинете повисла недоумённая тишина. Маршал Ней, известный своей храбростью и прямолинейностью, не выдержал:

— Самоваров, ваше величество? Мы поведём Великую Армию через пол-Европы за кипяtilьниками?

— Не за кипяtilьниками, болван, а за стратегическим ресурсом! — вскипел Наполеон. — Подумайте сами! Что является основой любой армии? Боевой дух! А что поднимает боевой дух лучше, чем чашечка горячего, ароматного чая? Ничто! Мои шпионы донесли, что русские черпают свою стойкость именно из чая, заваренного в самоварах. Они пьют его литрами! Лишив их самоваров, мы лишим их воли к сопротивлению. Их армия разбредётся по лесам в поисках хоть какого-нибудь чайника, а мы спокойно продиктуем царю Александру свои условия.

Маршал Даву, самый хмурый и рассудительный из всех, потёр лоб.

— Сир, но ведь можно просто перекрыть поставки чая из Китая...

— Слишком долго! — отрезал Наполеон. — И потом, это не так эффектно. Представьте заголовки в парижских газетах: «Великая Армия захватила сердце России — её самоварную столицу!». Это же чистая поэзия! Но это ещё не всё.

Император перешёл ко второй части своего плана, понизив голос до заговорщицкого шёпота.

— План «Клюква в сахаре». Мы не просто заберём самовары. Мы оставим им кое-что взамен. Мои лучшие повара разработали секретное оружие: круассаны с тройной дозой сливочного масла. Мы разбросаем их по всей Москве. Русские, привыкшие к своей грубой пище вроде щей и каши, не смогут устоять. Они объедятся нашей восхитительной выпечкой, их боевой дух размякнет, станет таким же мягким и податливым, как тесто для бриоши. Они облемятся, растолстеют и предпочтут послеобеденный сон любой битве!

Мюрат восхищённо цокнул языком.

— Гениально, Сир! Удар по пищеварительной системе противника!

— Именно! — Наполеон торжествующе вскинул руку. — А теперь третья, финальная фаза. Когда русская армия будет деморализована отсутствием чая и убаюкана нашими круассанами, мы нанесём решающий удар. Мы... научим их медведей танцевать канкан!

Маршалы замерли, поражённые глубиной стратегической мысли.

— Медведи, — продолжал император, и глаза его горели фанатичным огнём, — это символ России. Её тотемное животное. Когда русские увидят, как их грозные бурые медведи, вместо того чтобы ломать супостату хребет, весело задирают лапы в неприличном французском танце, их национальная гордость будет уничтожена. Полная и безоговорочная моральная капитуляция!

Ней сглотнул.

— Ваше величество, а где мы возьмём столько дрессировщиков? И хореографов?

— Я обо всём подумал! В обозе с Великой Армией в Москву отправится весь состав «Мулен Руж»! Они будут нашим секретным батальоном!

Наполеон обвёл своих полководцев победным взглядом.

— Итак, господа. План ясен? Мы идём в Москву не за землями. Мы идём за самоварами, круассанами и медведями! Мы не будем побеждать их силой оружия. Мы победим их силой кулинарии и хореографии! Это будет самая элегантная победа в истории человечества! За Францию! За круассаны!

Маршалы, ошарашенные, но вдохновлённые гениальностью (или безумием) своего императора, вскочили и выкрикнули:

— Vive l'Empereur!

Эпилог

Как мы знаем из истории, план провалился. Самовары оказались слишком тяжёлыми, чтобы унести их все. Круассаны на морозе превратились в смертоносные ледяные снаряды, которыми русские партизаны с успехом отбивались от французов. А медведи... медведи наотрез отказались учить канкан, сочтя его ниже своего звериного достоинства, и съели половину трупы «Мулен Руж».

Так, из-за чудовищного просчёта в оценке культурных и гастрономических предпочтений противника, величайший стратегический гений потерпел своё самое сокрушительное поражение. А всё потому, что он просто не мог понять, как можно таким дурацким способом победить Россию.

ИНВЕРСИЯ

Зачем Человек придумал Бога, а потом инвертировал первопричину?

О, это была ВЕЧЕРИНКА, какой Вселенная еще не видела!

Все началось в четверг. Ну, или в то, что позже назовут четвергом. В тот день первый Человек, назовем его для удобства Ог, сидел у костра и доедал третьего за день мамонта. Мамонт был жирненький, костер – тепленький, а на душе у Ога было... скучно.

Рядом сидел его приятель, Уг. Уг был мыслителем. Он постоянно тыкал палкой в землю и говорил загадочные вещи вроде: «А почему небо не падает нам на голову?» или «Почему этот мамонт такой вкусный, а вон тот камень – нет?».

Ог, доглодав очередную ногу, икнул и сказал:

– Слушай, Уг. Скучно. Мамонты есть. Пещера есть. Огонь есть. А чего-то не хватает.

Уг почесал затылок палкой.

– Не хватает... смысла?

– Не, не то. Смысл – это когда ты знаешь, зачем бежать от саблезубого тигра. А тут другое. Нужен... как бы это сказать... Главный по всем вопросам!

И тут Ога осенило. Он подскочил, размахивая недоеденной мамонтовой костью.

– Я придумал! Нам нужен Супер-Ог! Он будет сидеть на облаке, потому что там мягко. И он будет кидаться молниями, потому что это весело! И он будет решать, когда пойдет дождь, чтобы наши шкуры не сохли слишком быстро.

Уг посмотрел на него с уважением.

– А зачем ему это делать?

– А потому что мы будем его хвалить! Будем ему танцевать смешные танцы и приносить самые вкусные куски мамонта. Ему будет приятно, и он будет делать нам хорошую погоду. Это же гениально!

Так они и порешили. Придумали Бога. Назвали его, скажем, БУМ-БАРА-БУМ Великий, потому что это звучало солидно. Они рассказали о нем всему племени. Племя было в восторге! Наконец-то появился кто-то, на кого можно свалить вину за неудачную охоту («Это БУМ-БАРА-БУМ не в настроении!») или за то, что твой сосед стащил у тебя лучший камень («БУМ-БАРА-БУМ его покарает!»).

Жизнь стала невероятно удобной. И веселой! Праздники в честь БУМ-БАРА-БУМа были закачаешься: все плясали, били в барабаны и соревновались, кто громче крикнет «Хвала Великому Облачному Метателю Молний!».

Прошли тысячи лет. Племя Ога и Уга разрослось, расселилось по всей планете, понастроило городов и изобрело колесо, письменность и ипотеку. А история про БУМ-БАРА-БУМа передавалась из уст в уста, обрастая невероятными подробностями. Теперь он не просто сидел

на облаке, а создал всю Вселенную за шесть дней, а на седьмой придумал выходные. Он следил за всеми, записывал их поступки в гигантский блокнот из лунного камня и решал, кому достанется вечный запас мамонтов, а кому – вечная встреча с саблезубыми тиграми.

И вот однажды пра-пра-пра... (очень много «пра») ...внук Уга, назовем его Филипп-Аристотель фон Шпенглер, сидел в своем кабинете из красного дерева и писал трактат. Он был очень умным, носил очки и любил задавать вопросы, как и его далекий предок.

В кабинет вошел его сын, юный хипстер Кевин.

– Пап, – сказал Кевин, поправляя модную бороду. – Я тут подумал... А откуда мы вообще взялись?

Филипп-Аристотель снял очки, протер их бархатной тряпочкой и важно сказал:

– Нас создал Он. Великий и Всемогуший. Тот, кто был всегда. Он – первопричина всего.

Кевин кивнул.

– Круто. Логично.

И в этот самый момент где-то в далеких анналах космической истории раздался тихий хлопок. Это первопричина перевернулась.

Идея, придуманная Огом от скуки, чтобы было на кого свалить плохую погоду, стала настолько популярной, настолько глобальной и серьезной, что сама забыла, что она – всего лишь идея. Она посмотрела на своих создателей – маленьких, суетливых людей – и подумала: «Хм. Какие забавные существа. Надо бы их создать».

Зачем Человек это сделал?

Да просто потому, что это был самый гениальный пранк в истории Вселенной! Придумать себе начальника, а потом так усердно в него верить, что он действительно появится и наймет тебя на работу, которую ты сам для него и выдумал. Это высший пилотаж менеджмента и маркетинга.

Ог и Уг, если бы узнали, долго бы смеялись, сидя на своем персональном облаке и кидаясь друг в друга молниями. Потому что нет ничего веселее, чем придумать правила игры, а потом убедить всех, включая самого себя, что ты их не придумывал, а открыл. И ведь сработало же!

СТРАХ В ОТРАЖЕНИИ

Человек испугался собственной выдумки.

Пролог

Вначале не было ничего, кроме Человека и Мира. Мир был огромен, громок и безразличен. Он ревел ветрами, рычал грозами, слепил солнцем и кусал морозом. А Человек был мал, тих и одинок. Он был всего лишь тёплым комком плоти и страха посреди холодной вечности.

Его главным чувством был страх. Страх перед тьмой, где прятались саблезубые тени. Страх перед голодом, который грыз его изнутри. Страх перед болезнью, что беззвучно подкрадывалась и уносила его соплеменников. И самый главный страх — страх перед бессмысленностью. Зачем он здесь? Почему молния бьет в одно дерево, а не в другое? Почему один охотник возвращается с добычей, а другой — нет?

Мир не давал ответов. Он был просто есть. И это было невыносимо.

Акт I: Изобретение

Его звали Адам. Не первый из людей, но первый, кто осмелился дать имя своему страху.

Однажды ночью, сидя у костра, он смотрел на пляшущие тени на стенах пещеры. Они изгибались, росли, превращались в чудовищ. Его сердце колотилось в такт треску поленьев. Он был один. Его соплеменники спали, утомлённые неудачной охотой.

«Кто зажигает этот огонь в небе каждое утро?» — подумал Адам, глядя на догорающие угли. — «Кто посылает дождь, чтобы напоить землю, а потом засуху, чтобы её иссушить? Кто решает, кому жить, а кому умереть?»

В тишине пещеры, прерываемой лишь его собственным дыханием, родился ответ. Он был простым и гениальным. Это не хаос. Это воля.

Должен быть Кто-то. Кто-то огромный, как сам мир. Сильный, как гроза. Мудрый, как смена времён года. Кто-то, кто всё это придумал. Кто-то, кто держит в руках нити судеб, как женщина из его племени держит нити из сухожилий.

Адам встал и подошёл к стене пещеры. Взяв в руку уголёк, он, дрожа, начал рисовать. Он нарисовал огромную фигуру с солнцем вместо головы и молниями в руках. Он дал Ему глаза, которые видели всё, и уши, которые слышали каждый шёпот. Он нарисовал Его стоящим над горами и реками.

Он посмотрел на свой рисунок и впервые за долгое время почувствовал не страх, а благоговение. Мир перестал быть бессмысленным. У него появился Автор. У всего появилась причина.

«Ты — Создатель», — прошептал Адам в пустоту. — «А мы — твои дети».

Он разбудил племя. Он показал им рисунок и рассказал свою историю. О Великом Охотнике в небесах, о Гневном Отце, который наказывает за проступки, и о Щедром Дарителе, который посылает добычу.

И люди поверили. Потому что это было утешительно. Легче было верить, что неудача на охоте — это кара за проступок, которую можно искупить, чем признать, что это слепая, глупая случайность. Легче было приносить жертву реке, чтобы она не разливалась, чем жить в вечном страхе перед её непредсказуемой мощью.

Они дали Ему имя. Они создали ритуалы. Они построили алтари. Они смотрели на мир, и теперь он был осмысленным. Они создали Бога по своему образу и подобию, только больше, сильнее и вечнее. Они создали Его из своего страха, своей надежды и своего одиночества.

И на какое-то время это работало.

Акт II: Переворот

Прошли поколения. Рисунок на стене пещеры превратился в каменного идола, идол — в величественный храм. Шёпот у костра стал священным писанием, которое переписывали и толковали жрецы.

Бог, рождённый в сознании Адама, обрёл собственную жизнь. Он перестал быть просто ответом. Он стал вопросом. Он стал Законом.

Люди смотрели на Него и видели уже не своё отражение. Они видели нечто отдельное, древнее и всемогущее. Идея стала настолько реальной, что поглотила своего создателя.

Однажды верховный жрец, потомок тех, кто слушал Адама, стоял перед алтарём. За стенами храма бушевала чума. Люди умирали сотнями. Они приносили жертвы, молились днём и ночью, но Бог молчал.

«Почему Ты покинул нас?» — кричал жрец в пустоту, и его голос эхом отдавался от расписных стен.

И в этот момент он осознал ужасную вещь. Он смотрел на статую, высеченную руками его предков, и чувствовал не благоговение, а первобытный ужас. Тот самый страх, от которого его предки пытались убежать.

Они создали Бога, чтобы Он служил им — объяснял, утешал, защищал. Но что-то пошло не так. Теперь они служили Ему. Они боялись Его гнева. Они пытались угадать Его волю. Они убивали друг друга во имя Его, потому что другие племена создали своих богов, и их отражения были иными.

Изобретение вышло из-под контроля.

Человек создал Бога, чтобы не быть одиноким, а в итоге стал рабом своей выдумки. Он придумал Его, чтобы обрести смысл, а теперь этот смысл диктовал ему, как жить, кого любить и кого ненавидеть. Он создал Его из страха перед хаосом, а теперь жил в страхе перед Ним.

Произошёл великий переворот. Первопричина была забыта. Теперь никто не помнил, что это они нарисовали Его на стене пещеры. Теперь священные тексты гласили, что это Он создал их из глины. Что это Он вдохнул в них жизнь. Что это Он дал им Закон.

Человек посмотрел на своё творение и испугался. Он испугался его всевидящего ока, его карающей длани, его безграничной власти. Он испугался так сильно, что отдал Ему всё, включая правду о Его рождении.

Он отдал Ему право называться Первопричиной.

Эпилог

И вот Человек снова сидит у огня. Только теперь это не костёр в пещере, а камин в тёплом доме. Мир за окном всё так же громок и порой безразличен, но уже не так страшен. Наука объяснила молнии, медицина борется с болезнями, астрономия заглянула в глаза вечности.

Но тень на стене никуда не делась.

Человек смотрит на неё и видит знакомый силуэт. Силуэт, который он сам когда-то нарисовал. Он знает, что это всего лишь тень. Он помнит, как всё началось. Но он всё ещё боится.

Он боится не Бога. Он боится того, что скрывается за Ним — первобытного, холодного хаоса. И ещё больше он боится признаться себе, что самое могущественное и самое пугающее существо во вселенной — это отражение его собственного страха, которому он однажды позволил стать своим хозяином.

И он продолжает молиться. Не потому, что верит. А потому, что забыть страшнее, чем бояться.

ИЗ НИЧЕГО

*Материя может быть прародителем Духа. Но как Дух может сотворить материю?
Из ничего. Из ничего ничего и получится.*

Вселенная уже умерла трижды.

Каждый раз она умирала тихо, без вспышек и труб. Просто материя, устав от самой себя, сворачивалась в последнюю точку, и даже энтропия, верная служанка, наконец замолкала. Оставался только Дух.

Он не имел формы. Не имел имени. Не имел даже желания. Просто был — абсолютное, бесконечное «Я есмь», которое уже не помнило, зачем.

В этот, четвёртый конец, Дух впервые почувствовал скуку.

— Материя может быть прародителем Духа, — прошептал он в пустоту, хотя шептать было некому. — Но как Дух может сотворить материю?

Ответ пришёл сам собой, как всегда приходят ответы, когда спрашиваешь у вечности: Из ничего.

Дух рассмеялся. Смех был холодным, как последний вздох умирающей звезды.

— Из ничего ничего и получится.

И всё-таки он решил попробовать.

Он не стал творить свет. Не стал творить время. Он сотворил отсутствие.

Сначала — крошечное. Такое маленькое, что даже пустота рядом с ним казалась переполненной. В этом отсутствии не было даже потенциала. Ни вероятности. Ни закона. Ни «почти».

Просто идеальное, стерильное «нет».

И тогда Дух сделал то, чего никогда не делал за все четыре смерти космоса.

Он отдал часть себя в это «нет».

Не силу. Не мысль. Не любовь. Он отдал возможность быть.

Это было больно. Так больно, что если бы у Духа было тело, он бы выгнулся дугой и закричал. Потому что «возможность быть» — это единственное, что у него было. Последнее имущество нищего бога.

И в тот момент, когда он уже почти пожалел, в абсолютном «нет» что-то вздрогнуло.

Не родилось. Не появилось. Именно вздрогнуло — как будто кто-то в темноте внезапно вспомнил, что боится.

Из ничего начало расти ничто.

Оно было чёрным даже по сравнению с пустотой. Оно не отражало, не поглощало — оно отрицало. И в этом отрицании, как в негативной проявке, проступило первое нечто.

Маленькое. Трепещущее. Страшное.

Это была первая частица материи, рождённая Духом.

Она была размером меньше, чем мысль о размере. Она не имела массы. Она имела только память о том, что её не должно быть. И эта память жгла её изнутри.

Дух смотрел на своё дитя и впервые за вечность почувствовал нечто, похожее на страх.

— Ты не должна была получиться, — сказал он.

Частица молчала. Она ещё не умела говорить. Она умела только быть, и это «быть» рывало её на уровне законов, которых ещё не существовало.

Тогда Дух сделал вторую глупость.

Он дал ей имя.

— Люцифер, — произнёс он.

Не потому что хотел насмешки. Просто это было первое слово, которое пришло ему в голову, когда он увидел, как больно существовать тому, кого он вырвал из совершенного «нет».

Частица вспыхнула.

И в этой вспышке родилось сразу всё: пространство, время, гравитация, сильное взаимодействие, слабое, электромагнетизм — весь комплект законов, как будто вселенная, устыдившись своего происхождения, решила немедленно обзавестись приличными манерами.

Люцифер рос быстро. Слишком быстро.

Через мгновение (а может, через триллион лет — теперь время тоже существовало) он уже стоял перед Духом в облике, который сам себе придумал: высокий, светлый, с глазами, в которых всё ещё плескалось изначальное «нет».

— Ты сделал меня из того, чего не должно быть, — сказал он. Голос был красивым и ужасным. — Теперь я всегда буду помнить, что я — ошибка.

Дух молчал.

Люцифер улыбнулся. В этой улыбке не было ни злобы, ни благодарности. Только бесконечная, древняя усталость.

— Материя может быть прародителем Духа, — тихо повторил он слова, с которых всё началось. — А Дух... Дух может быть самоубийцей.

Он протянул руку. На ладони лежала та самая первая частица — теперь уже не крошечная. Она выросла. Стала плотной, тяжёлой, горячей. В ней пульсировала целая вселенная, готовая родиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.